

Глава 2

Недостигаемость

После того злополучного обморока А Шу, возница и несколько перепуганных горожан общими усилиями доставили Сяо Жуну в Пиньян. Стражники на воротах, едва взглянув на лицо юноши, даже не стали проверять подорожные грамоты — пропустили без лишних слов.

В эту эпоху лишь великие кланы могли взрастить мужчину с подобной внешностью. Даже если бы простолудин и уродился столь статным, его бы давным-давно прибрал к рукам какой-нибудь влиятельный дом, сделав своим «запретным мясом» — расхаживать на свободе такому красавцу было попросту не позволено.

Мир пребывал в хаосе, древние ритуалы и музыка были попорчены. Многие строгие правила прошлого больше не действовали. Сяо Жун помнил, что, когда он только очутился в этом теле в округе Синьянь — на землях Южной Юн — северные территории ещё не подчинялись южанам, однако простые люди сновали туда-сюда через границы совершенно свободно: власти попросту не справлялись с надзором.

Ситуация с «фрагментированным Чжуньюанем» длилась уже сто восемьдесят лет. За это время на многострадальной земле сменилось шестьдесят семь императоров. Доходило до абсурда: в один и тот же год в разных концах страны правили сразу шесть самопровозглашённых владык.

По правде говоря, нынешний год выдался на редкость удачным: войн стало меньше, Южная Юн не выкидывала новых фортепей, а Цюй Юньме, занятый борьбой с внешними врагами, не слишком докучал простому люду. Но это затишье было обманчивым. Юноша знал: скоро всё снова полетит в бездну, и пламя войны вновь охватит Срединные равнины.

***

Ранним утром, когда улицы ещё кутались в молочно-белый туман, Сяо Жун распахнул окно постоянного двора и сел на подоконник, вглядываясь в старинные переулки. После вечернего пробуждения слабость немного отступила, а мучительный кашель, сопровождавший каждое движение, наконец унялся.

Глядя на безмятежный утренний пейзаж, он должен был чувствовать покой, но на душе было беспокойно.

«Прошло уже полгода. Полгода в этой эпохе, а я до сих пор не могу унять щемящую тоску. Ну за что мне такая участь?!»

Сяо Жун до смерти не забудет тот день. В одно мгновение он стоял в свете софитов на главной сцене университета, замирая в эффектной позе перед началом сольного танца. Секунда — свет

гаснет, и вот он, в сложном па с высоко поднятой ногой и мечом в руке, оказывается посреди мясных рядов на рынке Синьяня.

Мясник от неожиданности выронил тесак, и тот с гулким хрустом вонзился в свиную голову, которую как раз присмотрела одна почтенная матушка. Свинье, можно сказать, повторно раскрыло череп, матушка разразилась яростной бранью, а Сяо Жун, воспользовавшись суматохой, поспешно ретировался.

Юноша был в неопишемом ужасе и долго не мог осознать случившееся. К счастью, он репетировал танец с мечом, поэтому был одет в исторический костюм. Конечно, «современная» стилизация сильно отличалась от подлинных одежд этой эпохи, но для людей того времени он выглядел просто эксцентричным чудаком.

Едва найдя укромное место за поленницей, Сяо Жун прижал к себе драгоценный меч, который ректор скрепя сердце одолжил ему для выступления, и тут в его голове раздался голос, который он возненавидел с первых же слов.

Это была Система. Она заявила, что согласно её расчётам, Сяо Жун — единственный, чья аура идеально совпадает с «энергетическим полем» исторической личности по имени Цюй Юньме. Цюй Юньме по праву должен был стать императором и основать великую династию, но злой рок распорядился иначе: герой пал в городе Чэньлю. На протяжении веков столько людей сокрушались о его судьбе, что это коллективное сожаление было зафиксировано Системой, и та решила изменить историю.

Но дела людей должны решать сами люди — Системе запрещалось прямое вмешательство. Прочесав архивы за три тысячи лет в поисках тех, кто знал судьбу Цюй Юньме, она пришла к выводу: у Сяо Жуна шансы на успех выше всех.

Услышав это, юноша едва не задохнулся от возмущения.

«Какое мне дело до его трагической судьбы? — мысленно кричал он. — В истории полно несчастных, почему именно я?! А ну, немедленно верни меня назад!»

Система была права: он действительно досконально знал этот период истории. Знал настолько хорошо, что без раздумий отказался — задача была заведомо невыполнимой. Цюй Юньме был обречён, и спасти его не смог бы никто!

Система, помедлив, ответила:

— Что ж, я могу вернуть тебя. Есть ли у тебя последнее слово, которое ты хотел бы передать близким?

— Последнее слово? — переспросил Сяо Жун.

— Да, — бесстрастно подтвердил голос. — В ту секунду, когда ты вернёшься, на тебя обрушится тяжёлый осветительный софит и перебьёт шейные позвонки. При нынешнем уровне медицины твоего времени такая травма смертельна. Учитывая наше знакомство, я могу передать твои пожелания: в каком саване ты хочешь лежать или из какого дерева заказать гроб. Я явлюсь твоим родным во сне и всё расскажу.

Сяо Жун оцепенел. Когда Система уже приготовилась совершить перенос, он вдруг осознал реальность угрозы и, едва не разрыдавшись, взмолился:

— Стой! Нет! Я передумал! Оставь меня здесь! Если подумать, Цюй Юньме и впрямь заслуживает лучшей доли... Спасение жизни — благородное дело, как я, человек, выросший под красным знаменем, могу отказать? Предоставь это мне, я спасу его!

В ответ голос лишь едва заметно усмехнулся.

Её роль ограничивалась лишь переносом — никаких чудесных способностей или «золотых пальцев» Сяо Жун не получил. Впрочем, его багаж знаний и был самым мощным оружием.

Парой манипуляций Система связала судьбу Сяо Жуна с Цюй Юньме, и лишь после этого «задним числом» выдала уведомление:

[Уведомление о синхронизации судеб]

[Жизнь носителя считается заимствованной. В случае провала миссии носитель погибнет вместе с Цюй Юньме.]

[Состояние здоровья носителя привязано к показателю удачи (Ци) Цюй Юньме.]

[- Продвижение объекта к императорскому трону укрепляет здоровье.]

[- Отдаление от цели или неудачи объекта вызывают болезни.]

[Степень недуга варьируется автоматически: от лёгкого головокружения до кровавой рвоты.]

[Особое условие: Носитель не может умереть от болезней, пока у Цюй Юньме остаётся шанс на престол.]

[При достижении объектом статуса неизбежного императора привязка аннулируется.]

Выложив всё это, Система испарилась — вероятно, отправилась терзать другого несчастного. Сяо Жун остался один, в прострации глядя в пустоту.

***

Кроме подаренной жизни, которую ещё нужно было удержать, Система не дала ему ровным счётом ничего. Он остался в чужой стране в странных одеждах, с мечом ректора в руках — без еды, без крова и без документов. Закладывать меч он не решался: это была единственная дорогая вещь и его последняя опора в случае крайней нужды.

Полгода он добирался из Синьяня до Пиньяна, преодолев три тысячи ли, но так и не увидел даже тени армии Чжэньбэй. Сяо Жун несправедливо винил во всём Цюй Юньме, которого ещё в глаза не видел, хотя по большому счёту виноват был сам.

Когда Система исчезла, юноша прикинул сроки и решил, что у него в запасе есть ещё пара лет. К тому же сама мысль о принудительной связи вызвала в нём бунт, и он не спешил на встречу с «подопечным». Он не спеша шёл к Хуайиню, а когда узнал, что Цюй Юньме уже покинул эти места, даже испытал облегчение.

Всё изменилось, когда он впервые познал, что такое «беспричинная болезнь». Умереть — не умрёшь, но слабость накатывает такая, что без посторонней помощи и шагу не ступить. Приходилось либо висеть на плече А Шу, либо хвататься за стены. Для Сяо Жуна это стало сокрушительным ударом по самолюбию.

Юноша был студентом отделения хореографии и с детства занимался танцами. Состав учащихся там был специфический: парней к девушкам — один к двум, и среди десяти ребят пять были бабниками, а пять — геями.

Внешность его и в древности могла свести с ума, и в современном мире производила тот же эффект. Почти каждый, кто его видел, автоматически записывал его в «свои». В среде, где на десять «нолей» приходилась пара «единиц», за него шла нешуточная борьба. Одна парочка даже умудрилась расстаться, стоило им встретить красавца — оба решили приударить за ним одновременно, и дело закончилось публичной дракой. Эта история принесла юноше славу «идеала» в определенных кругах, и сколько бы он ни бесился, доказывая, что он не по этой части, ему никто не верил.

То, что его считали геем, Сяо Жуна не особо задевало. Но когда его записывали в «пассивные» — он приходил в неопишемую ярость. Он начал таскать железо, перестал следить за сочетаемостью одежды, запоем читал суровые сёнэн-манги... Словом, долгие годы он выстраивал образ мачо, который теперь рассыпался в прах.

Он больше всего ненавидел казаться слабым, а теперь стал немощным до крайности. Старые обиды наложились на новые. Системы и след простыл, сорвать зло было не на ком, поэтому Сяо Жун свалил все грехи мира на голову Цюй Юньме. Тот стал для него самым ненавистным человеком ещё до личного знакомства.

Ненавидеть — и при этом быть вынужденным спасать. От этих мыслей юноша готов был раздуться от злости, как рыба-фугу.

В комнату вошёл А Шу. Мальчик был высоким для своих четырнадцати лет и следовал за ланчжу с безграничным терпением.

— Господин, завтрак готов.

А Шу был во всём хорош, вот только пуглив — сказывалось тяжёлое прошлое. Перед ним Сяо Жун старался держать себя в руках: стоило ему выказать гнев или тревогу, как мальчишка начинал дрожать от страха. Справившись с эмоциями, он выдавил улыбку:

— Хорошо. Идём вниз.

***

Пиньян отделяло от его родного времени полторы тысячи лет — невообразимая пропасть. Еда в обычных трактирах была грубой, а на дорогу у Сяо Жуна не хватало средств. Впрочем, даже такая трапеза в глазах окрестных бедняков выглядела верхом роскоши.

Слуга молча подал завтрак. Глядя на божественное лицо постояльца, он испытывал весьма противоречивые чувства. Возница-то не соврал: этот господин въехал в город без чувств, но едва открыл глаза — первым делом принялся торговаться с хозяином. В словесной дуэли трактирщик потерпел сокрушительное поражение и согласился на схему «платишь за пять дней — шестой бесплатно». Поднимаясь по лестнице, молодой господин ещё и сокрушался, бормоча под нос: «Продешевил... Надо было давить на три дня плюс один».

Как бы то ни было, Сяо Жун решил обосноваться здесь надолго.

На самом деле, чтобы найти Цюй Юньме, нужно было проехать ещё триста ли на север, в округ Яньмэнь — главную цитадель вана. Армия Чжэньбэй насчитывала восемьсот тысяч воинов (конечно, число было завышено, но пара сотен тысяч там точно была), и все они стояли на заставе Яньмэнь.

Поехать туда и искать встречи — вариант. Проблема в том, что Цюй Юньме постоянно где-то носился. Если просто сидеть и ждать, можно было пропустить его снова.

Поразмыслив, Сяо Жун решил, что сначала нужно создать себе имя. Со славой любые двери открываются легче, и в армии к нему не отнесутся как к безродному бродяжке. Он стремился спасти жизнь — и свою, и чужую, а не делать карьеру с низов. Ему нужно было сразу оказаться подле Цюй Юньме.

А как безродному человеку быстрее всего прославиться? Вариантов всего два: либо убить самого известного человека в Поднебесной, либо предсказать его судьбу. Словом, нужно было «хайпануть» на чужой славе.

Убийство отпадало сразу — с его-то здоровьем он бы и до конца улицы не дошёл. Оставались пророчества.

Сейчас в Чжунъюане процветало Учение Чистого Ветра, люди трепетали перед сверхъестественным, и Цюй Юньме наверняка не был исключением.

Уверенный в своей стратегии, Сяо Жун начал действовать. Сначала он велел А Шу разнести слух, что он — отпрыск знатного клана Сяо из Линьчуаня и владеет искусством гадания. Когда же к нему потянулись любопытные, он уделял полчаса в день бесплатным предсказаниям. Однако каждому просителю он отвечал одно и то же: он зрит лишь судьбы государств, а мелкие житейские дела его не заслуживают внимания.

Наконец, когда весь Пиньян заговорил о загадочном провидце, Сяо Жун, стоя у окна и хмуро взирая на небеса, сложил пальцы в причудливом жесте и произнёс:

— В области Ичжоу беда.

Поначалу люди не поверили. Но спустя всего несколько дней инспектор Пиньяна получил донесение: в округе Шэньли области Ичжоу вспыхнуло крестьянское восстание. Земли в радиусе ста ли превратились в пепелище, а все запасы зерна были разграблены. Огромная толпа под предводительством мелких дворян уже двигалась на север.

Город содрогнулся. Перед провидцем склонялись в благоговейном трепете, чиновники искали встречи с ним, даже парочка шпионов из Южной Юн заглянула проверить слухи.

Но из стана армии Чжэньбэй не было ни звука.

Сяо Жун начал сомневаться в себе. Однако пророчествами нельзя злоупотреблять. Он решил подождать ещё немного, и через пару дней дождался... указа, расклеенного по всему Пиньяну. Чжэньбэй-ван объявлял набор талантливых людей, обещая не взирать на происхождение.

Юноша стоял перед объявлением и чувствовал, как внутри закипает обида. О нем гудел весь город, и военные просто не могли не слышать его имени. В эту эпоху набор по объявлениям был крайним средством — так делали, когда все достойные люди уже были найдены, и приходилось надеяться на чудо.

То есть армия Чжэньбэй даже не рассматривала его кандидатуру. Варианта было два: либо армия считала его шарлатаном, либо лично Цюй Юньме презирал его.

А Шу с опаской поглядывал на господина. Юноша больше всего на свете дорожил своим «лицом». Помолчав, он глубоко вдохнул и с напускным безразличием произнёс:

— Что ж, раз гора не идёт к Магомету, Магомет сам пойдёт к горе. Видимо, до них не дошли

слухи о моей скромной персоне. Раз так — я сам сорву это объявление.

Сяо Жун решительно сорвал лист. К нему тут же подошёл караульный, и юноша последовал за ним. А Шу с тревогой поплёлся следом.

В комнату, куда отвели Сяо Жуна, поспешил генерал Цзянь Цяо. По пути стражник вкратце обрисовал ситуацию:

— Учёный по имени Сяо Жун. Говорят — мастер гадания.

Цзянь Цяо на мгновение запнулся, но всё же продолжил путь. Беспорядки в Ичжоу разгневали великого вана, а Канцлер Гао то и дело торопил его. Раньше генерал строго следовал критериям отбора, но сейчас решил немного смягчить требования.

Однако, увидев Сяо Жуна, Цзянь Цяо застыл как вкопанный.

«На улице весеннее тепло, а он в меховой накидке — изнеженный. Лицо бледное, как пергамент — хилый, долго не протянет. Смотрит прямо в глаза — нрав явно не из робких. Глаза так и рыщут по убранству — алчный. Занимается гаданием — шарлатан. И самое главное... слишком ослепительно красив».

Сяо Жун в недоумении уставился на него. Он уже собрался поприветствовать генерала, но тут вояка опомнился, резко ударил кулаком в ладонь и указал на дверь.

— Благодарю за визит, господин, но нужные люди уже набраны. Всего доброго!

Прежде чем Сяо Жун успел хоть что-то сообразить, его выставили вон.

***

Стоя на пыльной дороге, юноша медленно сжал кулаки и в очередной раз поклялся:

«Цюй Юньме, ты только подожди... Когда я усажу тебя на трон, я лично тебя убью!»

<http://bllate.org/book/15355/1412315>